

Луч

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л87

Л87 Луч: Том 2 / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 836 с.

ISBN 978-5-518-09544-1

ISBN 978-5-518-09544-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ.

КАРТИНЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

ГОРОДЪ.

I.

Рѣзко влзжитъ полозъ городскихъ саней, бойко бѣжитъ красивая лошадка, слышится звонкое «пади!» и сторонится въ сугробъ мужичекъ, выглядывая изъ-подъ нахлобученной бараньей шапки. Мелькаютъ мимо его зеленые кафтаны, парчевые кушаки, широкоразметанные бороды и выставленные рогулями руки кучеровъ. Идетъ навстрѣчу сбитеньщикъ съ патронташемъ стакановъ и связкою кренделей; отхватываетъ бравымъ шагомъ солдатикъ на ученье, покручивая желѣзный усь на морозѣ. Стоять въ сторонѣ двѣ коровы, бодающіеся отъ скуки, и два чиншвики, выснывающіе изъ-подъ помы руки — эти кланяются, точно бодаются. Облалъ мужиченку и трезоръ, обнюхивающіе въ столбики; оглядѣвъ его и закей важной барыни; обогнала его и пара саврасенькихъ, вихремъ пролетѣвшая навстрѣчу; обогнали его и веселыя румяныя лица баръ городскихъ, ѣдущихъ въ магазинъ да въ гости. Обогнала его наконецъ и тлжельный баулъ дорожный, такъ ухнувшій въ ухабъ городской, что въ немъ проснулся проѣзжій.

— Чортъ-дорога! Скоро-ли наконецъ?

- Приѣхали, отвѣтилъ голосъ изъ тѣмн.
- Деревня опять?
- Городъ.
- Будто? Что мы въ ученой Казани?
- Экъ хватились. Милко учености мы съ вами прокатили не промышались.
- Чтожь это: глушь, Саратовъ!
- И то нѣтъ.
- Шутите наконецъ?
- Какія шутки, говорятъ вамъ — городъ.
- Значить, встаемъ.

Проѣзжій приподнялся и посмотрѣлъ въ стеклышко, словно въ пюпитру. Передъ нимъ тянулись безконечные обозы съ пше-ницей; шли и ѣхали взадъ и впередъ; бѣжали и кричали во всю русскую глотку; тянулись безконечныя плетни и заборы; высоко выдвигались дома и ворота; высоко вздымались конченныя трубы на погорѣлыхъ мѣстахъ, а надъ всѣмъ этимъ двѣ-три колокольни, такія же обвалившіяся и безобразныя, какъ обгорѣлыя трубы. Запестрѣли наконецъ и лавочки всякими, разными товарами; бросился въ глаза магазинъ съ надписью: «Натуральное личное мыло» и затѣмъ баулъ выѣхалъ на площадь, которая обхватывала его базарной кутерьмой.

— Эй, извозчикъ! куда жъ ты, братецъ, ѣдешь? Въ гости-ницу ступай, да гдѣ получше. Пешимаешь?

Сердитый сосѣдъ ни слова не сказалъ, крикнулъ только.

Пока извозчикъ остановился на площади — похвастаться тѣмъ, что везетъ «барина изъ Питера», да разспросить: «гдѣ у нихъ, домовыхъ, тутъ трахтиръ мытый? — мы познакомимъ читателя съ дорожными.

Николай Николаевичъ Перелпкинъ чиновникъ пятого департамента, въ отставкѣ. По его словамъ, онъ «не сошелся съ начальствомъ, бросилъ службу и бѣжалъ изъ сената», на томъ основаніи, что въ наше проклятое время нѣтъ никакой физической возможности служить. — «Человѣкъ въ отставкѣ, это не сенатская машина», говорилъ онъ знакомымъ; «я теперь могу сдѣлать что-нибудь *порядочное*. Кстати же, послѣ маменьки покойницы, у меня есть, гдѣ-то тамъ въ стѣнныхъ губерніяхъ, земля

и люди. Я сбѣгаюсь сельскимъ хозяиномъ, — ну, агрономомъ наконецъ, — а вѣтъ, такъ порядочнымъ учителемъ — пора же намъ просвѣтить этихъ животныхъ.» — Горячая мысль скоро приводится въ исполненіе, особенно въ торопливомъ Петербургѣ. Молодой человекъ мимоходомъ забѣжалъ къ Эгерсу, купить у нѣмца какое-то руководство, на случай, если придется сверлить землю и отыскивать въ ней какія-нибудь сокровища, и тутъ же кстати прихватилъ «Оубгина» и «Горе отъ ума», на случай, если скучно будетъ въ деревнѣ. Магазины моднаго платья были напротивъ. А на прощаньи онъ такъ кутнулъ съ своимъ департаментскимъ, что и до сихъ поръ не вспомнить, какъ очутился наконецъ гдѣ-то въ Подсолнечной, подъ Москвой. — Чтожъ дальше? думалъ онъ въ Нижнемъ, когда на почтовыхъ у него не доставало денегъ, а на вольныхъ запросили такую баснословную сумму, которую не просятъ съ насъ въ Европѣ и до Парижа. — А вы, братцы, разбойники! Выговорилъ онъ ямщикамъ, и ушелъ опять въ гостиницу — сыграть партію на бильярдѣ.

Здѣсь онъ и сошелся съ своимъ спутникомъ, который извѣстенъ уже читателю, какъ юлосъ изъ тѣмъ.

II

Григорій Никитичъ Суровый былъ исправникъ, значить нечего говорить — человекъ практическій. Мѣсто у него было лѣбное, потому-что губернія была лѣбная. Дѣла свои онъ велъ исправно, какъ и вообще все наши исправники. Соку изъ крестьянъ больно не выжималъ: съ бѣглецами и всякими подлѣцами обходился «оченно вальготно», а людямъ, желающимъ жить на волѣ, давалъ волчій паспортъ на все четыре стороны, разсуждая основательно, что въ настоящее *нудное* время не всякій можетъ усидѣть на мѣстѣ и не бѣжать. Въ городѣ Григорій Никитичъ поставилъ исправный домъ, и посадилъ въ немъ, вмѣстѣ себя, свой земскій судъ; въ уѣздѣ ѣздилъ съ громкимъ колокольникомъ, чтобъ издали слышали конокрады, что исправникъ на нихъ нагрѣнулъ, а въ деревнѣ, у себя дома, слылъ за хорошаго скопидома. На вопросъ Николая Николаевича: «зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Москву?»

— исправникъ отвѣтилъ прямо: «да посоветоваться съ опекуномъ на счетъ своихъ дѣлшекъ.»

— А вы?

— Въ провинцію. — Столичный сказалъ городъ и деревню свою.

— А! мы съ вами попутчики, обратился простякъ прямо къ дѣлу. Не хотите-ли пополамъ?

— Очень пріятно слышать. Вы куда?

— Да туда же, куда и вы. Я исправникъ того уѣзда, гдѣ ваша деревенька. Двухвостка, кажется, называется.

— Она, она! Вотъ неожиданный случай?

— Ну, по правдѣ сказать, въ этомъ немного неожиданнаго, въ дорогѣ со всякимъ столкнешься.

— Вы когда же?

— Да хоть сейчасъ. Вотъ только съ этихъ молодцевъ управлюсь. Исправникъ указалъ на поросенка и выхватилъ ему бокъ.

— Это хорошо! одобрилъ Николай Николаичъ. Вы на почтовыхъ?

— Можно и на почтовыхъ. Подорожная у васъ есть?

— Признаюсь не хлопоталъ еще: я сейчасъ въ вагона.

— И не хлопчите, не нужно, мы безъ подорожной найдемъ дорогу. Во-первыхъ съ этими пустяками намъ придется еще день жить: полицію нужно просить, чтобъ намъ, порядочнымъ людямъ, дали аттестатъ на выпускъ...

— Будто?

— Да такъ гласитъ законъ! А иначе вы хоть матушку рѣпку пойте, вамъ никакой подорожной не дадутъ. А во-вторыхъ, что за радость платить на водку станціоннымъ—вѣдь эти лошади насъ не везутъ? Лишній гривенникъ я лучше дамъ мужку на водку. На вольныхъ не хотите-ли? развѣклажи много?

— Да весь тутъ. Столичный указалъ на жилетъ и сапоги.

— Значить и толковать нечего. Пособите-ка пока мнѣ...

Исправникъ показалъ на графинъ и поросенка.

Все занимало столичнаго въ чужахъ-исправникѣ. И его замшевая фуфайка, о которой онъ говорилъ сердито «не продувается»; и дубленый полушубокъ съ цацами, который онъ силъ и отдать зѣбкому Николаю Николаичу, тянувъ тоже сердито

«спотѣлъ!» и страшные медвѣжки сапоги, въ которые лѣзли ноги съ сапогами и калошами, и занасные мѣховые чулки, крытые сукномъ на ватѣ, и оригинальный *эжакъ* съ ушами и козырькомъ, который отворачивался на лобъ, въ видѣ ярыка, и наконецъ огромная волчья шуба, на которую въ московскомъ театрѣ крикнулъ полицейскій: «куда ты, волчья шкура, лѣзешь!» все было ново для столичнаго: и простая рѣчь его съ поговоркой «во-первыхъ», и оригинальныя сужденія исправника о провинціи, и мѣткія замѣтки его по дорогѣ, и безцеремонныя отвѣты въ родѣ такихъ:

— Скажите, Григорій Никитичъ, зачѣмъ у васъ такая шуба широкая, я полагаю—неловко?

— Да волки свои-съ, отчего ихъ не драть.

Не нравилось столичному только одно, что Григорій Никитичъ какъ-то угловатъ и должно быть не образованъ—не понимаетъ его *по-французски*. Впрочемъ это несколько не мѣшало имъ сойтись и бесѣдовать по-русски. А столичный тутъ же засыпая, думалъ такъ: «можетъ быть у него и должностъ такая, лошадиная; тамъ у нихъ, я полагаю, и поговорить не съ кѣмъ по-французски? Вѣдь у насъ чортъ знаетъ какихъ нѣтъ должностей! шепталъ онъ въ недоумѣніи.

Словомъ, Николай Николаичъ всю дорогу спалъ, а Григорій Никитичъ всю дорогу ворчалъ на хваленыхъ, вольныхъ ямщиковъ.

III.

— У васъ тутъ чистенько? похвалилъ Николай Николаичъ, входя къ исправнику въ номеръ. А что, мы здѣсь—будемъ бѣть?

— Будемъ, будемъ, все будемъ: и бѣть, и пить, и спать только дайте сперва дѣло сдѣлать—водку вынуть изъ погребка.

Николай Николаичъ зѣвнулъ и повалился на диванъ.

— Тоска вани дороги! и полагаю, здѣсь у васъ скука смертная?

— Почему?

— Какъ почему: провинціи-матушка.

— А вы живали въ провинціи?

— Боже сохрани—умрешь!

Исправникъ захохоталъ.

— Увѣрю васъ—умрешь.

— И, батюшка, Николай Николаичъ, да вы, значитъ, и понитія не имѣете о провинціи. Здѣсь не только не умрешь, а растолетѣшь, примѣрно такъ, какъ я. Правда, что у васъ не такъ-то бойко бѣгутъ и скачутъ, какъ у васъ въ Петербургѣ, да за то вѣдь ужъ и ногъ себѣ не ломаютъ, не такъ, какъ тамъ. Идемъ мы-себѣ шажкомъ, потихоньку...

— И дремлете—завидная доля!

— И дремлемъ. Чтожъ вы съ нами будете дѣлать? Да коли правду-матку сказать, такъ русскій человѣкъ и не можетъ не нить да не дремать! Онъ ужъ такъ Богомъ самимъ устроится, какъ говоритъ Гоголь. И волтеріанцы напрасно противъ этого возстаютъ!

— А пора-бы вставать! заключилъ грустно столичный.

— А какъ будто мы ужъ и не встасемъ? Смотрите вотъ въ окно, какъ развозились *мани* передъ праздникомъ.

— Ахъ, да, въ самомъ дѣлѣ,—завтра кажется рождество?

— То есть самый разгаръ, что называется. Вотъ и гуляемъ! Исправникъ потеръ даже руки отъ радости.

— Не знаю, какъ вамъ сказать, я кажется сегодня же гуляю въ деревню, отозвался нерѣшительно столичный.

— Это что за блажь? Развѣ сосѣдки хороши?

— Вамъ Двухвоетка извѣстнѣе.

— Такъ что за радость отъ удовольствій забиться въ берлогу? Разочарованіе что-ли?

— Въ карманѣ.

— Э, нустиак! Мы, батюшка, кармановъ не щупаемъ. Достаточно, что вы изъ Петербурга. И накормимъ, и напоимъ, и въ карты вамъ продуемся, и что хотите наконецъ! Еще мнѣ за васъ скажутъ спасибо—интерескаго привезъ.

— А покажу, пропашесь Николай Николаичъ: попробую праздники, поужую здѣсь.

— Попробуйте,—право будетъ хорошо!

IV.

— Познакомьте меня съ *вашими*? присиль столичный, подвигая стулъ къ самовару.

— Съ кого прикажете?

— Кто власти ваши?

— Да какія у насъ власти: архіерей съ губернаторомъ.

— А молодецъ или старъ вашъ владыка? игралъ словами гость.

— Да Богъ его знаетъ, онъ и старъ, и молодецъ, какъ хотите примите. До собору я небольшой охотникъ—толстѣть, какъ видите, душно мнѣ тамъ,—а такъ-то гдѣ его увидишь? Сидитъ себѣ дома да молится. О добродѣтеляхъ его, если хотите, вы барынь нашихъ спросите,—онѣ, батюшка, все у насъ знаютъ. Смирный, говорятъ, и въ консисторію не ступается. Тамъ у него секретарь-деруны сидитъ, о которомъ латинская мудрость такъ гласитъ: *Secretar consistoriae est prima persona oblationis, qui oblaprat protoproprium, proprium, diaconatum, protonararum cum prosviribus.*

— Чортъ знаетъ, что такое! А губернаторъ?

— О, это, батюшка, власть! Крокодиломъ губерніа зоветь! И признаюсь, не мало-таки этотъ крокодилъ проглотилъ бѣдныхъ чиновниковъ. Цѣлкомъ-съ!

— Ого! А я хотѣлъ-было къ нему на службу.

— Это не трудно—скажите: «написалъ проэкты». Онъ смертный охотникъ до проэктовъ.

— Въ какомъ родѣ?

— Да во всѣхъ, что хотите пишете, смѣты только ставьте крупнѣе. За смѣты онъ васъ крѣпко полюбитъ и вывезетъ, какъ волъ. Чиною и орденомъ наградитъ, къ денежной только не представитъ.

— Политико-экономъ, значить?

— Да все тутъ: и политикъ, и экономъ, что угодно. Денегъ другихъ не даетъ.

— А самъ, поди, беретъ?

— Ни, Гоже сохрани! У него и чиновникъ особыхъ поруче-

ній такой же Кузьма-беззеребрешный. Недавно какой-то дуракъ понесъ къ нему 65 цѣлковалъ—обидѣлся, губернатору доведъ, и статейку тиснули въ губернскихъ: о безкорыстїи «сего должностнаго лица». А того по шанкѣ, изъ службы вояъ.

— Вотъ какъ у васъ!

— Да-съ, строгонько-таки на этотъ счетъ. Можетъ-быть тамъ и дѣй ибудь гуртомъ, за угломъ, и похватываютъ, чортъ иль душу вѣдаетъ. Но чтобъ такъ по-мелочи, или какъ говорятъ наши чиновники «курочка по сѣмячку клюеть» — такъ онъ не беретъ, ни-ни!

Чиновникъ задумался не-на-шутку.

— Вотъ я и нанугалъ васъ, какъ разъ.

— А какъ онъ съ подчиненными?

— Да послѣ исторїи съ Германомъ посприѣво сталъ.

— А кто этотъ Германъ?

— Да чудодѣй тутъ одинъ, помѣщикъ. Онъ, видите, вздумалъ поступить на службу къ губернатору, и прошенїе написалъ,— приѣзжасть. «Очень радъ», говоритъ тотъ. А вотъ, отвѣчаетъ этотъ, и прошенїе вашему превосходительству, но только съ условїемъ. «Съ какимъ»? Не ругаться со мной, ваше превосходительство,—я человекъ благородный. «Надѣюсь», говоритъ губернаторъ, что человекъ благородный не доведетъ себя до этого, а въ противномъ случаѣ извините». — Такъ и меня, говоритъ, извините, иначе я служить не могу! Тотъ конечно возвратилъ прошенїе, и этотъ раскланялся и ушелъ. Такъ въ результатѣ и оказалось, что помѣщикъ Германъ прослужилъ въ коронной только 27 минутъ!

— А порядочный вы шутъ! Какіе вы про нихъ анекдоты знаете.

— Какой это, чортъ, анекдотъ, это дѣйствительная служба нашихъ господъ.

V.

— А ѣдемъ мы сегодня куда-нибудь? спросилъ на другой день утромъ столичный.

— Что забираетъ развѣ? Вотъ постоитъ, дайте побриться, погрозится, усъ поправитъ, чтобъ вышелъ изъ меня *каминная-исправникъ*. Для визитовъ мы составимъ такой планъ: сперва сдѣлаемъ казенные визиты губернатору и архіерею — это ужь такъ положено. Потомъ кое-кому изъ дворянъ, а потомъ я схожу вѣсь къ старику Халавскому, есть тутъ одинъ отставной генераль-пласунъ. А оттуда кстати по дорогѣ къ игуменю не хотите-ли, и это можно?

— Спасибо.

— А къ старухѣ не хотите, такъ къ старику. Тамъ дочки есть.

— Къ дочкамъ? отчего же.

— Къ вице-губернатору визита не полагаются. Во-первыхъ по праздникамъ онъ болѣе бываесть, не принимаесть, а во-вторыхъ, онъ въ самомъ дѣлѣ въ чалоткѣ и къ веснѣ умреть, значить намъ съ вами ненуженъ! Такъ или нѣтъ?

— И съ этимъ согласенъ.

— Ну-съ, а дальше, какъ бы это вамъ выразить: вы кутить любите?

— Это зависить отъ того, какъ кутить?

— Чортъ васъ возьми наконецъ! Ну, изицно кутить, какъ въ Петербургѣ плясуютъ—со вкусомъ конечно, съ устрицами, шампанскимъ и пр.

— Можно, облизнулся столичный.

— А можно, такъ и дѣлу конецъ. Я познакомлю васъ съ полицмейстеромъ. Это, батюшка, вонистину полковникъ. Вы не смотрите, что у него такая накосная фамилія Обдулка — благороднѣйшій человекъ. У него же кстати сегодня праздникъ.

— Свой, особенный?

— Изъ самыхъ двенадцатыхъ, годовой, что называется.

— Именинникъ?

— Нѣтъ, онъ Иванъ Ивановичъ называется; и хотя бываесть шестьдесятъ три раза въ годъ именинникъ по должности, по не сегодня. А это просто *туба*. Въ сочельникъ ему приносятъ «на-пробу», изъ погребковъ.

— А! это хорошо, похвалилъ столичный. Ну-съ

— Да чего «ну-съ?» дальше мы не уйдемъ никуда, тамъ вѣроятно и заночуемъ! У него *тридцетый*, батюшка.

— Но это свинство однако? Я здѣсь человекъ новый...

— Вотъ новыхъ-то мы и пробуемъ-съ! съ особеннымъ аппетитомъ выговорилъ исправникъ.

— Ну! везите, куда хотите. Столичный махнулъ рукой.

VI.

Крокодилъ пригласилъ петербургскаго гостя на базъ. Архіерей спросилъ : что новенькаго слышно въ столицѣ? а жандармскій полковникъ отжаловался исправнику, что въ соборѣ было невыносимо.

Исправникъ напомнилъ наконецъ, что нужно къ полицмейстеру:

— Теперь что называется *пора*.

Улица была заставлена экипажами, точно здѣсь главный сборный пунктъ всего города. Съ подѣзда слышалось голоса, въ прихожей звонъ стакановъ, а въ залѣ самъ хозяинъ встрѣтилъ гостей:

— А! и Николай Николанчъ Перелыкинъ : кажется, такъ?

— Къ вашимъ услугамъ.

— А я только хотѣлъ было рекомендовать.

— Опоздалъ.

— Что-жъ вы, Иванъ Ивановичъ, не хвалите нашу полицію? съострилъ исправникъ.

— Да пока не за что. Вотъ мы сперва его арестуемъ. Хозяинъ отнялъ любезно у гостя шляпу.

— Я впрочемъ вчера еще сказалъ ему, что отсюда не увидеть.

— И хорошо сдѣлалъ. Икорка и бутылка къ вашимъ услугамъ? Вы постоянно жили въ Петербургѣ?

— Постоянно.

— Значитъ, хорошій пробный мастеръ. Попробуйте-ка вотъ этого.